

II.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ВЛАДИМИРО-МОСКОВСКОЕ.

Иванъ Даниловичъ Калита.

1304 † 1341.

Послѣ Юрія изъ Даниловичей въ живыхъ оставался одинъ только Иванъ: остальные братья умерли бездѣтными. Такимъ образомъ Иванъ Даниловичъ одинъ наслѣдовалъ всю Московскую волость и успѣлъ утвердить за своимъ родомъ великокняжеское достоинство¹⁸³).

Мы видѣли, что въ 1304 году братъ Ивана Даниловича Юрій, отправляясь въ орду тягаться съ Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ о великокняжескомъ достоинствѣ, отправилъ въ Кострому брата своего Бориса. Тверскіе бояре, въ отсутствіе своего князя, блюдя интересы послѣдняго, хотѣли схватить отправляющагося тогда въ орду Юрія, что имъ не удалось; но имъ удалось захватить и отправить въ Тверь Бориса Даниловича.

---

183) Съ Ивана Даниловича великихъ князей мы называемъ уже *владими́ро-московскими*, такъ какъ имъ упрочено первенство Москвы; Калита назывался даже великимъ княземъ *всѣя Руси* (Акт. Арх. Эксп. I, № 3), какъ полагаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, быть можетъ, въ подражаніе титулу митрополита. Но можетъ быть это было и сознательное стремленіе; мы впоследствии увидимъ, что литовскіе князья, при заключеніи договоровъ съ московскими, ставили между прочимъ условіе, чтобы московскіе князья не ставили въ своемъ титулѣ *всѣя Руси*, такъ какъ большая половина Руси принадлежала Литвѣ. — О причинахъ возвышенія Москвы см. разсужденіе Владиміра Вешнякова: «О причинахъ возвышенія Московскаго княжества». Спб. 1851, стр. 22, 38, 77—78 и пр., и Погодина «Ист.-крит. отр. 141» и въ другихъ мѣстахъ (о Москвѣ); также ст. Станкевича: «О причинахъ поступ. возвыш. Москвы до смерти Іоанна III» въ Запискахъ Моск. Унив. 1834—35 г. № 1 и 2; И. Д. Бѣляева: «Городъ Москва съ его уѣздомъ» въ «Москвитинѣ» 1844, кн. 1. См. прим. 192.

Тверичи даже готовились овладѣть Переяславлемъ; но объ этомъ кто-то тайно далъ знать въ Москву, и Иванъ Даниловичъ съ московской и переяславской ратями, укрѣпивши своихъ бояръ и переяславцевъ крестнымъ цѣлованіемъ (значить, была опасность измѣны), встрѣтилъ подь Переяславлемъ тверскую рать, во главѣ которой стоялъ бояринъ Акинѣй, перешедшій, по смерти Андрея Александровича, изъ Городца въ Тверь. У Переяславля произошло крѣпкій бой, въ которомъ палъ и Акинѣй, — а остатки рати съ дѣтьми его бѣжали въ Тверь¹⁸⁴). Между тѣмъ, въ **1305** году, Юрій возвратился въ Москву, не получивъ на великокняжескій столъ ярлыка, который достался Михаилу тверскому. Теперь тверскій князь, конечно, желая окончательно смирить своего врага, подошелъ къ Москвѣ, но взять ея не могъ и ушелъ, примирившись съ Даниловичами¹⁸⁵). Затѣмъ, до 1320 года лѣтописи только мимоходомъ упоминаютъ объ Иванѣ Даниловичѣ: въ **1317** году, по нѣкоторымъ извѣстіямъ¹⁸⁶), Юрій, готовясь выступить, вмѣстѣ съ Кавгадыемъ противъ Твери, послалъ Ивана въ Новгородъ — звать новгородцевъ въ походъ; затѣмъ, въ **1320** году Иванъ Даниловичъ участвуетъ въ походѣ брата своего Юрія на рязанскаго князя Ивана Ярославича, съ которымъ, впрочемъ, заключенъ былъ миръ¹⁸⁷). Въ томъ же (1320) году Иванъ Даниловичъ отправился въ орду, гдѣ пробылъ болѣе года. Эта поѣздка его была, вѣроятно, въ какой-нибудь связи съ предшествовавшими событіями; по крайней мѣрѣ, послѣ того какъ въ **1321** г. Юрій, по миру, взялъ съ Дмитрія тверскаго 2000 серебра выходу и ушелъ въ Новгородъ, чѣмъ воспользовался тверскій князь и отправился въ орду хлопотать о ярлыкѣ на великокняжескій столъ, Иванъ Даниловичъ былъ еще тамъ, въ ордѣ. Какъ видно, Иванъ Даниловичъ не могъ противодѣйствовать Дмитрію, который выхлопоталъ себѣ великокняжескій ярлыкъ, а Иванъ воротился, въ **1322** году, съ посломъ Ахмыломъ, который «много сотвори пакости по Низовской земли», много перебилъ христіанъ, взялъ Ярославль и пошелъ обратно въ орду съ большимъ полономъ¹⁸⁸).

184) П. С. Р. Л. IV, 46; V, 204; VII, 184; Ник. III, 102—103.

185) Ibid. Въ Густинской лѣтописи (П. С. Р. Л. II, 348) встрѣчаемъ странное и ничѣмъ не объяснимое извѣстіе: «Въ то лѣто (6818) паки начатъ *въ Києви* княжити Юанъ Даниловичъ Калита, ввукъ Ярослава».

186) Карамз. IV, прим. 227 или см. выше прим. 174.

187) П. С. Р. Л. III, 72.

188) Ibid. I, 229; II, 349; IV, 49; V, 216; VII, 198; XV, 414; Ник. III, 125—127. Густинская лѣт. должно быть, такъ сказать, переднимъ числомъ отмѣчаетъ подь 6830 годомъ, что Иванъ Даниловичъ пришелъ изъ орды «спросивъ себѣ у царя татарскаго великое княженіе». Можетъ быть, лѣтописецъ хотѣлъ сказать «просивъ» вмѣсто «спросивъ»? Это — возможно.

Оплакавъ кончину брата, удовлетворивъ религиознымъ желаніямъ митрополита Петра тѣмъ, что заложилъ на мѣсто деревяннаго каменный храмъ Успенія Пресвятой Богородицы (4 августа 1326 г.) и въ томъ же году похоронивъ этого святителя, Иванъ Даниловичъ долженъ былъ отправиться въ орду, хотя видимой причины къ тому и не было. По всей вѣроятности, онъ готовилъ себѣ извѣстную будущность и значеніе. Если это такъ, то, кромѣ его личныхъ хлопотъ, ему помогли въ стремленіи его къ первенству между князьями ошибки и безтактность тверскаго князя, единственнаго соперника его. Въ 1327 году въ Твери разыгралась извѣстная исторія съ Шевкаломъ (Щелканъ — лѣтописный, Щелканъ Дудентьевичъ — русской былинны), приведшая хана въ ярость. По этому-то случаю Калита и отправился въ орду (по однимъ извѣстіямъ — по собственному почину, по другимъ — по требованію самого хана). Изъ орды Иванъ Даниловичъ вышелъ съ большой татарской ратью и пятью темниками и, какъ приказалъ ханъ, пошелъ (зимой) въ Тверскую землю для наказанія ея за избіеніе Шевкала и его отряда. Съ Калитой былъ еще суздальскій князь, Александръ Васильевичъ... Села и города Тверской земли были преданы огню и мечу; взяты Тверь и Кашинъ; вообще: Иванъ Даниловичъ и рать хана «грады и волости пусты сотвориша». Татары захватили при этомъ и часть Новгородской земли: «Новоторжскую волость пусты сотвориша». Но новгородцы умилили татаръ тѣмъ, что послали имъ множество даровъ и 2000 серебра. — Съ большимъ полономъ татары пошли обратно, давая знать о себѣ вездѣ, гдѣ ступала ихъ нога, — «точію соблюде и заступи Господь Богъ кн. Ивана Даниловича и его градъ Москву и всю его отчину»... Александру тверскому, конечно, и думать не приходилось о томъ, чтобы съ успѣхомъ вести борьбу съ такимъ неравномѣрно сильнымъ врагомъ, а потому онъ, еще до прихода татаръ, бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ его — впрочемъ — не приняли, а потомъ направился въ Псковъ¹⁸⁹). Въ то же время Иванъ Даниловичъ отправился въ орду, пославъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ. Вмѣстѣ съ нимъ отправился въ орду и воротившійся къ тому времени изъ бѣгства Константинъ Михайловичъ тверскій, оставшійся теперь старшимъ среди тверскихъ князей. Тогда же къ хану по-

189) Ibid. I, 229—230; III, 74; IV, 50—51; V, 217; XV, 417; Ник. III, 131. По III, 74 Калита съ татарами ходилъ на Тверь въ 1328 г. Никон. III, 133, поименовавъ воеводъ, шедшихъ съ татарами, данными Ивану Даниловичу для наказанія Твери, продолжаетъ: «пять темниковъ великихъ, и князь Александръ Васильевичъ суздальскій, инде пишетъ, и съ нимъ *дяди его*, Василій Александровичъ»... Чей *его*? если Калиты, то Василій Александровичъ, сынъ Невскаго, умеръ еще въ 1271 г.; если же Александра Васильевича суздальскаго, то у него мы не находимъ такого дяди. Та же Ник. лѣт. говоритъ, что новгородцы дали татарамъ 5000 рублей.

шелъ посолье и отъ Новгорода Великаго¹⁹⁰). Въ орду Константинъ получилъ (въ 1328 г.) Тверь, а Калита — великое княжение. Въ то же время ханъ приказалъ князьямъ искать Александра Михайловича повсюду и представить его въ орду. По прибытіи изъ орды на Русь Иванъ Даниловичъ отправилъ своихъ пословъ, а новгородцы отъ себя владыку Моисея и тысяцкаго Абрама въ Псковъ къ Александру — передать ему требование хана. Посольство это было безуспѣшно. Въ слѣдующемъ 1329 году 26 марта Иванъ самъ прибылъ въ Новгородъ — сѣсть на новгородскомъ столѣ; съ нимъ были тверскіе князья, Константинъ и Василій Михайловичи, Александръ суздальскій и многіе другіе; отсюда князья пошли къ Пскову, но медленно, вѣроятно, ожидая, что псковичи одумаются и дѣла не доведутъ своимъ упорствомъ до кровопролитія. Князья дошли до Опокъ и остановились. Калитѣ, какъ видно, и самому не хотѣлось доводить дѣло до кровопролитія, и вотъ онъ придумалъ средство заставить псковичей исполнить волю хана: онъ уговорилъ митрополита Теогноста наложить проклятіе и отлученіе отъ церкви на кн. Александра и на весь Псковъ. Эта мѣра подѣйствовала: Александръ, не желая изъ-за себя подвергать псковичей проклятію, удалился въ Литву, оставивъ на попеченіе любившимъ его псковскимъ гражданамъ жену свою. Псковичи послали въ Опоки къ великому князю гонца съ извѣстіемъ, что Александръ ушелъ изъ Пскова, и тогда Калита заключилъ съ псковичами миръ «по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдинѣ», а митрополитъ снялъ проклятіе и отлученіе отъ церкви¹⁹¹).

И такъ, Иванъ Даниловичъ, послѣ столъ многихъ трудовъ, зацѣля великокняжескій столъ, «я бысть всей земли тишина на многа лѣта», замѣчаютъ лѣтописи¹⁹²).

190) Ibid. III, 74; IV, 50; V, 217; XV, 417; Ник. III, 140.

191) Ibid. III, 74; IV, 51; V, 218; Ник. III, 140 и сл. V говоритъ о пріѣздѣ Калиты въ Новгородъ, а съ нимъ и другихъ князей, подъ 1329 годомъ, а подъ слѣдующимъ 1330, говоря о томъ же, т. е. о пріѣздѣ Калиты въ Новгородъ, а съ нимъ суздальскаго, тверскихъ и мн. др. князей, говоритъ еще о посольствѣ боярина Калиты, Луки Протасьева, новгородскаго владыки Моисея и тысяцкаго Аврама въ Псковъ, о чемъ говорила подъ 1328 годомъ, гдѣ, впрочемъ, со стороны Ивана Калиты названы «послы своя», а отъ новгородцевъ тѣ же лица, т. е. владыка Моисей и пр. По IV въ 1328 г. Калита пришелъ изъ орды, въ 1329 — пріѣхалъ въ Новгородъ; пріѣхалъ и Теогностъ и проклялъ псковичей; въ 1330 г. Калита пріѣхалъ въ Новгородъ съ тверск., сузд. и др. князьями, отправилъ во Псковъ пословъ, потомъ съ др. князьями выступилъ противъ Пскова.

192) Ibid. I, 230; IV, 51; V, 218; VII, 201; XV, 417; Ник. III, 141 замѣчаетъ, какъ и нѣкоторыя другія: «я бысть оттоле тишина велика по всеи Руской землѣ на 40 лѣтъ и престаша татарове воевати рускую землю». Здѣсь же кстати замѣтитъ, что есть извѣстія, по которымъ Калита «исправи Рускую землю отъ татей» («Опис. Рум. музея» 509; Степ. кн. I, 406). Та же Ник. ibid. замѣчаетъ, что Иванъ Даниловичъ «прииде отъ царя Азбьяка изъ орды с пожалованнемъ и с великою честью на великое княжение Володимерское, и седѣ

Въ 1331 г. Иванъ Даниловичъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Константинъ Михайловичъ тверскій, ѣздили въ орду. Къ сожалѣнію, лѣтописи ничего не говорятъ о причинѣ этой поѣздки. Возвратившись изъ орды, Калита, по выраженію лѣтописи, «зверже гнѣвъ» на Новгородъ: онъ просилъ (вѣроятно, потому, что много потратился въ ордѣ) у новгородцевъ закамскаго серебра, т. е. привозимаго изъ-за Камы, конечно, отъ торговыхъ оборотовъ. Но новгородцы, какъ видно, не дали ему ничего, и Калита, въ 1332 году, взявъ за то («и въ томъ взя») Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ «чрезъ крестное цѣлованіе». Новгородцы ничего не предпринимали противъ этого насилія¹⁹³). Въ началѣ января 1333 года со всѣми суздальскими (Суздальской земли) и рязанскими князьями Иванъ Даниловичъ опять пришелъ въ Торжокъ; отсюда онъ послалъ въ Новгородъ — свести отсюда намѣстниковъ, и началъ воевать Новгородскую землю, въ которой давно уже сильно чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ отъ бывшей лѣтомъ засухи. Новгородцы отправили къ великому князю пословъ: архимандрита Лаврентія, Феодора Твердиславича и Луку Варемломеева, чрезъ которыхъ просили Калиту въ Новгородъ на столъ; но великій князь челобитья ихъ не принялъ и, не давъ миру, уѣхалъ на Низъ. Тогда новгородцы отправили къ нему новое посольство, съ владыкой Васиіемъ во главѣ; послы нашли его въ Переяславлѣ, предлагали ему 500 рублей съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ взятая имъ противъ крестнаго цѣлованія села въ Новгородской землѣ («свободы бы ся отступилъ по крестному цѣловаію»); но Иванъ Даниловичъ, не смотря на просьбы архіепископа, предложеній не принялъ и уѣхалъ въ орду¹⁹⁴). По возвращеніи же отъ хана онъ принялъ новгородскихъ пословъ, отложилъ нелюбіе и самъ поѣхалъ въ Новгородъ. Можетъ быть, успѣху послѣдняго посольства содѣйствовалъ митрополитъ Θεогность, къ которому, во время поѣздки Калиты въ орду, за чѣмъ-то пріѣзжалъ во Владиміръ архіепископъ новгородскій Василій¹⁹⁵), можетъ быть именно съ просьбой ходатайствовать предъ великимъ княземъ о примиреніи его съ Новгородомъ. Калита прибылъ въ Новгородъ 16 февраля 1334 г. Въ слѣдующемъ 1335 году, въ бытность его тамъ, архіепископъ Василій заложилъ камен-

---

на великомъ княженіи на Москвѣ; а столъ Володимерь і иные многие княженія царь Азбѣкъ даде ему къ Москвѣ». Тѣмъ не менѣе до Васиія Васильевича Темнаго обладаніе Владиміромъ было, такъ сказать, символомъ великокняжескаго достоинства, хотя фактически великое княженіе было уже Московскимъ.

193) Ibid. III, 76; IV, 53; V, 220; VII, 203; Ник. III, 159—160; XV, 418.

194) Ibid. III, 77; IV, 53. Ник. III, 161 относитъ эту поѣздку въ орду къ 1332, а возвращеніе — къ 1333 году, причемъ замѣчаетъ, что за Калитой пріѣзжалъ отъ хана посолъ Саравчукъ.

195) Ibid. III, 77; IV, 53; V, 220; VII, 204; Ник. III, 161.

ный острогъ. Затѣмъ одна лѣтопись передаетъ нѣсколько темноватое извѣстіе о томъ, что великій князь вмѣстѣ съ новгородцами и со всею Нязовскою землею намѣревался идти на Псковъ; но «бысть ему рѣчь по любви съ новгородци и со всею Нязовскою землею, и отложивша себѣ путь, а плевковичемъ миру не даша»¹⁹⁶). Намъ кажется, что причиною предполагавшагося похода на Псковъ было пребываніе тамъ Александра тверскаго, явившагося туда изъ Литвы, и начатія имъ въ 1335 году хлопоты передъ ханомъ о возвращеніи тверскаго княженія.

Иванъ Даниловичъ возвращался изъ Новгорода чрезъ Торжокъ; въ это время Литва «на миру» воевала Новоторжскую волость: великій князь послалъ на Литовскую землю свои рати, которыя сожгли литовскіе города: Осѣчень, Рясну и др. Прибывъ въ Москву, онъ пригласилъ къ себѣ новгородскаго владыку Василя, посадника, тысяцкаго и нарочитыхъ новгородскихъ бояръ «на честь», по выраженію лѣтописи, т. е. на угощеніе съ цѣлію, такъ сказать, отплатить за хорошій приемъ, оказанный великому князю въ Новгородѣ¹⁹⁷).

Но доброе согласіе между великимъ княземъ и Новгородомъ вскорѣ было нарушено первымъ: въ 1336 г. Калита отправился въ орду и, возвратившись оттуда, въ 1337 г. послалъ рать свою, противъ крестнаго пѣлованія, на Двину за Волокъ, въ Новгородскую область; цѣлю похода было, конечно, обогащеніе, потому что казна Калиты должна была истощаться отъ частыхъ поѣздокъ въ орду. Но походъ этотъ былъ неудаченъ: московскіе ратные люди «посрамлены быша и ранени»¹⁹⁸).

Вскорѣ заботы и вниманіе великаго князя должны были направиться въ другую сторону, въ сторону Твери. Александръ Михайловичъ, обезоруживъ хана полною покорностію воли его, вышелъ изъ орды въ 1338 г., пожалованный отчиною его, Тверью. Онъ вызвалъ изъ Пскова жену и дѣтей своихъ и, вообще, вступилъ въ Твери въ полныя права хозяина, которыя скромный и, какъ видно, миролюбивый Константинъ и не думалъ отстаивать, тѣмъ болѣе, что онъ былъ младшій братъ¹⁹⁹). Теперь Калита хорошо видѣлъ, что ему не ужиться въ мирѣ съ тверскимъ княземъ. Еще въ прошломъ 1337 году, когда Александръ посылалъ къ хану сына своего Федора, тверской и московскій князья — какъ замѣчена въ лѣтописи — «не докончаша и мира не взяша»²⁰⁰). Въ то же время начинаются отъѣзды тверскихъ

196) Ibid. III, 77.

197) Цитаты въ прим. 195.

198) П. С. Р. Л. III, 77—78; V, 220; VII, 204.

199) Ibid. III, 78; IV, 53—54; V, 221; VII, 205.

200) Ник. III, 164; Тат. IV, 136.

бояръ въ Москву, какъ думаютъ наши историки, пзъ-за мѣстничества²⁰¹). Притомъ среди удѣльныхъ князей росло недовольство, и они, вѣроятно, склонялись на сторону тверскаго князя: Калита слишкомъ безцеремонно хозяйничалъ въ удѣлахъ Суздальской земли, чтобы не возбудить во владѣтеляхъ ихъ негодованія противъ себя. Такъ, въ Ростовѣ распоряжался бояринъ Ивана Калиты, Василій Кочева, вмѣшивался во внутреннія дѣла Ростова, обиралъ жителей и т. п.²⁰²). Князья другихъ удѣловъ были, вѣроятно, такъ же притѣсняемы: мы увидимъ, что даже зять Ивана, Василій Давидовичъ ярославскій, былъ противъ великаго князя и, кажется, на сторонѣ Александра тверскаго.

Вѣроятно, всѣ вышеизложенныя обстоятельства заставили Ивана Даниловича позаботиться о томъ, чтобы оградить себя и свое потомство отъ совмѣстныхъ непріязненныхъ дѣйствій остальныхъ князей, могшихъ повредить его династическимъ интересамъ. По крайней мѣрѣ, послѣдующія дѣйствія Калиты указываютъ на это. Въ 1339 году, съ старшими сыновьями, Семеномъ и Иваномъ, онъ отправился въ орду, пославъ въ Новгородъ младшаго сына, Андрея. Лѣтописи замѣчаютъ, что Иванъ Даниловичъ и дѣти его были въ ордѣ въ чести: конечно, Калита не жалѣлъ казны, чтобы расположить хана къ себѣ и дѣтямъ своимъ. Не даромъ по приѣздѣ пзъ орды онъ хочетъ пополнить казну свою, какъ увидимъ, на счетъ новгородцевъ. А что Калита хотѣлъ смирить своихъ недруговъ, на это указываетъ то обстоятельство, что Узбекъ тогда же позвалъ въ орду всѣхъ князей и сдѣлалъ это «по его думѣ», т. е. по думѣ Калиты. Въ орду позваны были: Александръ тверскій, который не вдругъ поѣхалъ, а послалъ сначала сына Федора, который узналъ тамъ, что Узбекъ гнѣвается на его отца, — затѣмъ — Василій Давыдовичъ ярославскій, внукъ Федора Ростиславича Чернаго, зять Калиты. Станнымъ кажется, что Калита, думою котораго позваны князья въ орду, посылалъ 500 человекъ перехватить въ пути Василя, что ему не удалось, и Василій благополучно достигъ орды.

---

201) Ник. III, 164; Сол. III, пр. 404; Кар. IV, 142. Историки наши говорятъ, что, долго скитаясь по чужимъ землямъ, Александръ, вѣроятно, приобрѣлъ новыхъ любимцевъ, которые, по полученіи Александромъ Твери, могли прибыть въ послѣднюю и «заѣхать» старыхъ тверскихъ бояръ. Что появленіе въ Твери новыхъ боярскихъ родовъ было при Александрѣ Михайловичѣ, объ этомъ находимъ извѣстія въ родословныхъ. Такъ, родъ Левашевыхъ производится отъ нѣмчина Долга или Дола, который чрезъ Псковъ, уже крещенный по православному обряду, приѣхалъ въ Тверь къ Александру Михайловичу. Другой нѣмчинъ «изъ Наталинскіе земли» (Итальянской?), по имени Дускъ, приѣхалъ въ Тверь, крестился тамъ и сдѣлался родоначальникомъ Олферьевыхъ, Безинныхъ и Нащюкиныхъ. См. Родословную кн. во «Временн. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1851 года, отд. II, 118, 197.

202) Ник. IV, 204 въ Повѣсти о преподобномъ Сергіи.

Впрочемъ, интересы князей такъ мелко и запутанно переплетались, а лѣтописныя извѣстія такъ скудны и скупы на объясненія причинъ и поводовъ къ княжескимъ столкновеніямъ, что по этимъ обстоятельствамъ мы не въ правѣ заключать о противорѣчивыхъ дѣйствіяхъ и скорѣе должны предположить, что онъ, т. е. Иванъ Даниловичъ, имѣлъ какія-нибудь серьезныя причины — задержать зятя до прибытія его въ орду, хотя онъ и позванъ туда его же думою: эти причины могли возникнуть уже по прибытіи Калиты изъ орды²⁰³).

По прибытіи Ивана Даниловича изъ орды новгородцы прислали къ нему выходъ съ послами; но Калита чрезъ тѣхъ же пословъ требовалъ отъ новгородцевъ еще «запроса царева, чего у него царь запрошалъ». Новгородцы на это отвѣчали, что «того не бывало отъ начала міру²⁰⁴»).

Между тѣмъ Калита слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ ордѣ. Вѣроятно, опасаясь, какъ бы съ прибытіемъ туда Александра тверскаго и другихъ князей ханскій гнѣвъ не измѣнился на милость, онъ осенью 1339 г. отправилъ туда сыновей: Семена, Ивана и Андрея. Но 22 октября того же года Александръ и Ѳеодоръ были убиты въ ордѣ. Въ Твери оставались Константинъ и Василій. Константинъ и прежде, когда былъ великимъ княземъ тверскимъ, ходилъ, такъ сказать, на поводу у Калиты; тѣмъ болѣе теперь, послѣ успешной поѣздки великаго князя въ орду, гдѣ — по его проискамъ — убитъ былъ братъ Константина, послѣдній не могъ противиться московскому князю, о княженіи котораго лѣтописецъ замѣчаетъ: «наста наслованіе много, спрѣчь княженіе великое Московское досталось князю велпкому Ивану Даниловичу». По смерти Александра и Тверь испытала насліе со стороны Калиты: онъ приказалъ снять колоколъ съ главнаго тверскаго храма св. Спаса и отправить его въ Москву. Это могло имѣть символическое значеніе верховенства московскаго князя надъ тверскимъ²⁰⁵).

Послѣ трагической кончины Александра, дѣти Ивана Даниловича отпущены были изъ орды «съ любовію». Успокоенный съ этой стороны, великій князь началъ энергичнѣе дѣйствовать по отношенію къ Новгороду, откуда вывелъ своихъ намѣстниковъ. Къ счастью новгородцевъ, Калита скорѣ опять отвлеченъ былъ въ сторону орды: въ 1340 г. неизвѣстно, по собственному ли почину, или по требованію хана, онъ отправился въ орду. Въ это время ханъ посылалъ рать свою съ Товлубіемъ на князя смоленскаго. Въ походѣ участвовали: кн. Константинъ Васильевичъ суз-

203) П. С. Р. Л. III, 79; V, 221; VII, 205; XV, 421; Ник. III, 166—170.

204) Ibid. III, 79; IV, 54; V, 221—222; VII, 205.

205) Ник. III, 170.

дальскій, Иванъ Куротополь и др. князья; по приказу хана, и Калита также долженъ былъ отправить на Смоленскъ свою рать²⁰⁶).

Въ слѣдующемъ 1341 году 31 марта Иванъ Даниловичъ скончался, принявъ плочество и схиму, и погребенъ въ основанной имъ же (въ 1333 г.) церкви св. Архангела Михаила²⁰⁷).

Иванъ Даниловичъ былъ женатъ дважды: а) на Еленѣ, дочери неизвѣстнаго отца, и отъ брака съ ней имѣлъ дѣтей: Семена, Данила, Пвана, Андрея (боровскаго) и дочерей — Θεотинію, Марію, Евдокію и Θεодосію; б) на Ульянѣ, также дочери неизвѣстнаго отца; отъ этого брака, уже по смерти Калиты, родилась дочь²⁰⁸).

206) П. С. Р. Л. I, 230; IV, 55; VII, 205—206; XV, 221; Ник. III, 170.

207) Ibid. I, 230; IV, 55; V, 222; VII, 206; XV, 422; Ник. (подъ 1340 г.) III, 171.

208) Ивана Даниловича Калиту считаютъ состоявшимъ въ одномъ бракѣ; но онъ, какъ оказывается, былъ два раза женатъ, какъ показано въ текстѣ.

Въ духовной грамотѣ в. кн. московскаго Ивана Ивановича, писанной, конечно, ранѣе 1359 г., т. е. года его смерти, всѣ лица, которыя упоминаются въ ней, извѣстны, кромѣ какой-то княгини Ульяны. «А княгини Ульяна, говорится въ грамотѣ, по отца моего князя великаго по грамотѣ по душевной вѣдаетъ волости»... и пр. Карамзинъ (IV, 179), передавая содержаніе помянутой грамоты, называетъ эту Ульяну вдовою Андрея Ивановича, брата Ивана Ивановича. С. М. Соловьевъ (IV, прим. 468), касаясь того же предмета, говоритъ: «Въ завѣщаніи послѣдняго (в. кн. Ивана Ивановича) упоминается еще о какой-то княгинѣ Ульянѣ. . . . Карамзинъ называетъ Ульяну женою Андреевою, что не можетъ быть принято, ибо Андрей женился въ 1348 (не въ 1348, замѣтимъ отъ себя, а въ 1345) году (Ник. III, 181), по смерти Калиты, и потому послѣдній не могъ распоряжаться дѣлами невѣстки, которой еще не было». Совершенно справедливо! Но кто же была эта княгиня Ульяна? Попытаемъ рѣшить вопросъ на основаніи тѣхъ же духовныхъ грамотъ (въ С. г. г. и д. ч. I или въ «Древней Росс. Вивл.» ч. I, изд. 2), т. е. Ивана Даниловича Калиты и сына его Ивана Ивановича.

Въ духовной грамотѣ Ивана Даниловича говорится: «А се даю княгини своей съ меньшими дѣтьми: Сурожикъ, Мушкину гору, Радонежское. . . . ; а села: село Михайловское, село Лучинское. . . . ; а изъ городскихъ волостей даю княгини своей осмичее. . .» и проч. (курсивъ — нашъ). Намъ кажется совершенно излишнимъ говорить здѣсь о томъ, что подъ *княгиней своей* Калита разумѣетъ свою жену. Возьмемъ ниже одно мѣсто изъ той же грамоты: «А что золото княгини мое Олекно, а то есмь далъ дчери своей Фетинь». . . . Здѣсь о княгинѣ Еленѣ говорится какъ уже не существующей на бѣломъ свѣтѣ, почему и золото ея отдается, естественно, дочери ея. Значитъ, та княгиня его, иначе — жена, которой онъ въ началѣ грамоты даетъ Сурожикъ, Мушкину гору и пр., была его второй женой. . . . И такъ, у Ивана Калиты, очевидно, было двѣ жены. Но второй жены онъ не называетъ по имени. — Теперь перейдемъ къ духовной сына Калиты, Ивана. Здѣсь говорится: «А княгини (Ульяну Иванъ Ивановичъ называетъ просто княгиней, потому что, собственно говоря, она не была его матерью) Ульяна по отца моего князя великаго грамотѣ по душевной, вѣдаетъ волости и осмичее и селъ до своего живота». Здѣсь не перечисляются поименно волости и села, потому что это было бы излишне: онъ въ минуту написанія грамоты находились въ фактическомъ владѣніи Ульяны, притомъ онъ перечислены въ душевной грамотѣ отца Ивана Ивановича. Возьмемъ еще одно мѣсто изъ той же грамоты: «А что волости за княгинью за Ульяною, изъ тѣхъ волостей по ее животѣ дѣти мои дадутъ дчери ее Сурожикъ, село Лучинское». Осмичее, Сурожикъ, село Лучинское — все это по духовной грамотѣ Иванъ Калита давалъ *княгини своей*, т. е. женѣ, которую онъ не назвалъ